Брат ты мне или не брат?

Афанасий Зоитакис, кандидат исторических наук. Преподаватель Кафедры истории Церкви (Исторический факультет МГУ)

В XVIII-XIX веках во многих православных странах Церковь оказалась в подчинении у государства, которое стремилось сделать ее частью бюрократического аппарата. Приходские священники вынуждены были выполнять функции чиновников: вести регистрацию рождения, браков, помогать в переписи населения и проведении выборов. Кроме того, зачастую изымались церковные земли и ценности, закрывались монастыри.

Феномен, получивший название «секуляризация», затронул и православные народы Балкан: греков, сербов, румын, болгар. Государственная политика сковала Церкви руки и серьезно ограничила возможности миссионерского служения. Один из греческих иерархов не скупился на слова, описывая сложившееся положение: «Церковь корчится от боли под пятой государства… и даже чтобы чихнуть, обязана попросить разрешения у министра!». Не правда ли, очень похоже на то, что происходит сегодня в ряде стран?!

Пастырская деятельность Церкви в этот период практически умерла, хотя нужда в ней была особенно острой – общество переживало натиск новейших философских течений и утверждалось

в безверии. Ответом на подобные вызовы стало создание православных братств – уникального феномена в истории Православной Церкви. Христиане Балкан организовались в могущественные общественные организации, которые в течение нескольких десятилетий влияли не только на Церковь, но и на государственные дела. Наивысшего могущества православные братства достигли в Сербии и Греции. Они и сейчас, пусть уже и под другими именами, продолжают «делать» историю своих стран.

«Жизнь» и другие

Первопроходцами греческого религиозного обновления стали «народные богословы» – странствующие проповедники (миряне и монашествующие) собирали людей на площадях и рассказывали им о Боге и Церкви. Именно народные богословы создали первые греческие православные братства.

Крупнейшим из них стало «Содружество богословов “Зои”» («Жизнь»), основанное в 1907 году священником Евсевием Матфопулосом (1849-1929). Расцвет «Зои» пришелся на время работы в ней архимандрита Серафима Папакостаса, возглавлявшего организацию в 1927-1954 годах. Официальный печатный орган «Жизни» выходил в этот период еженедельно тиражом 165 тысяч экземпляров. «Зои» отличалась поистине «немецкой» дисциплиной, что позволило организации основать свои отделения едва ли не в каждом греческом городе и деревне.

Скопированные с аналогичных учебных заведений Англии и Франции, греческие «катехизаторские школы» не были изобретением «Зои», однако именно «содружеству богословов» принадлежала наиболее масштабная реализация этой идеи. Начав с семи школ в 1926 году, к 1958 году «Жизнь» имела в своем распоряжении 2 216 школ с 147 740 учениками в Греции и 139

школ с 7 747 учениками на Кипре.

Были также созданы «союз родителей», «общество христианских матерей», объединение студентов, научных работников, домохозяек и другие подобные организации. Все они издавали периодику и книги огромными тиражами. По всей Греции распространилась сеть типографий, библиотек и дешевых книжных магазинов.

Таким образом, «Зои» сразу взяла курс на широкую работу среди разных слоев населения, делая акцент прежде всего на социальной активности, открытости миру, нарочитой приближенности к

людям с различным образом жизни, ценностями и потребностями.

«Жизнь» посылала проповедников на фабрики и заводы, печатала специальную просветительскую литературу для рабочих. Проповедуя Христа, члены организации ходили по домам и квартирам.

«Зои» не предлагала никаких догматических и канонических нововведений, тем не менее некоторые аспекты православного предания подверглись ревизии со стороны организации.

В наибольшей степени это проявилось в отношении к монашеству. Офис «Зои» находился в центре Афин, а в его верхних этажах располагались квартиры иноков «современного типа»: они соблюдали все три монашеских обета (нестяжания, целомудрия и послушания), но не носили монашеского одеяния. Жизнь инока в представлении организации должна была стать миссионерски ориентированной. Молитва рассматривалась как недостаточная для монаха форма служения миру, декларировалась необходимость практической миссии и материального приношения человечеству.

Другим столпом программы «Зои» была богослужебная реформа, предлагавшая ряд нововведений. Проповедь у «Зои» фактически становится центром богослужения, а молитва уходит на второй план. Кроме того, утверждалась необходимость сидеть во время богослужения ради концентрации внимания и предлагалось громкое чтение «тайных молитв» священником.

Нравственное поведение ставились обществом «Зои» во главу угла. Члены организации всегда должны были служить примером высокоморальных и допропорядочных личностей, что проявлялось прежде всего во внешнем облике: строгом дресс-коде, контроле за жестами и походкой, манерой говорить.

В результате внутренних разногласий 45 из 135 членов братства покинули «Зои» и некоторое время спустя образовали общество «Сотир» («Спаситель»). К концу 1950-х годов в Греции насчитывались уже десятки таких братств («Православные христианские союзы», «Искупление»,

«Три святителя» и т.д.). Несмотря на некоторые различия в их идеологии и структуре, большую или меньшую традиционность или радикализм, в целом все они были построены на одинаковой основе.

Внецерковные братства – путь в тупик или к обновлению?

Греческие православные братства часто называли «внецерковными организациями». Их создатели исходили из лучших побуждений и хотели «обновить православие и очистить Церковь». Почему же, несмотря на это, оппоненты приклеили к ним ярлык «внецерковности»? Отчасти в этом виноваты представители самих братств. Общества существовали на базе зарегистрированных государством светских объединений. Выбор был закономерен, ведь члены братств хотели именно автономии от епископов и от приходского духовенства. Впоследствии она развилась до деления духовенства и мирян на «своих» и «чужих», когда критерием «прогрессивности» того или иного священника стала его принадлежность к братству.

В риторике организации значительное место занимал пафос «преобразования» Церкви, системы образования, культуры и даже политической сферы. Поэтому самым удобным жанром для этих целей считались полемические сочинения. Большую часть самостоятельных произведений богословов из «Зои» составляли работы против чего-то или кого-то: масонов, экуменизма, ересей, предрассудков и даже Олимпийских игр. Члены братств стали ярыми противниками коммунизма, рассматриваемого как нравственная угроза.

Идеологизация движения способствовала его выдвижению на авансцену греческой политики, за которой последовал распад и крах организации. В 1967 году члены «Зои» возглавили Священноначалие Элладской Церкви: Афинским архиепископом стал многолетний лидер «Жизни» Иероним (Коцонис), а епископами – другие видные представители организации. Началась реализация программы реформ, вдохновленных духом и идеалами «братства богословов». Совместно с государственной властью (диктатурой «черных полковников») иерархия проводила комплексную программу по улучшению «морального климата» Греции и формированию особого типа гражданина – «греко-христианина» (многое говорят о духе проводившихся мерах особые

карточки «духовного и физического здоровья», которые были заведены на учеников греческих школ).

Популярность братств в народе несомненно свидетельствовала о том, что православие на протяжении всего XX столетия оставалось ядром мировоззрения большинства греков. Несмотря на отдельные спорные моменты в идеологии и практике движения, братство «Зои» всегда оставалось сообществом неравнодушных максималистов, стремившихся к тому, чтобы православие стало достоянием и верой каждого. Активная миссионерская деятельность «Зои» способствовала зарождению нового поколения людей, интересующихся жизнью Церкви.

Разочаровавшиеся в идеалах внецерковных организаций юноши вдохнули новую жизнь в греческое монашество. Члены «Зои» Василий Гондикакис и Григорий Хадзиэммануил, покинув организацию в 1966 году, отправились на Афон, где способствовали возрождению обителей Ставроникита и Ивирон. Много выходцев из внецерковных обществ было в братиях под руководством архимандритов Эмилиана (Вафидиса) и Георгия (Капсаниса), возродивших опустевшие афонские монастыри Симонопетра и Григориат.

Крестьянское возрождение

В начале XX века в Сербии стали появляться люди, ярко выделявшиеся своей религиозностью. В основном это были обыкновенные крестьяне, которые проповедовали Евангелие и отличались чистой жизнью. Они не пропускали богослужения, регулярно исповедовались и причащались, любили посещать святые места, часто совершали крестные ходы.

Таких людей в народе стали называть «богомольцами», «набожными» или «евангелистами».

Зачатки богомольческого движения возникли еще во второй половине XIX века, первоначально оно не было общесербским. Разные группы богомольцев спонтанно возникали в разных областях страны, никак не сообщаясь друг с другом и не согласуя свою деятельность.

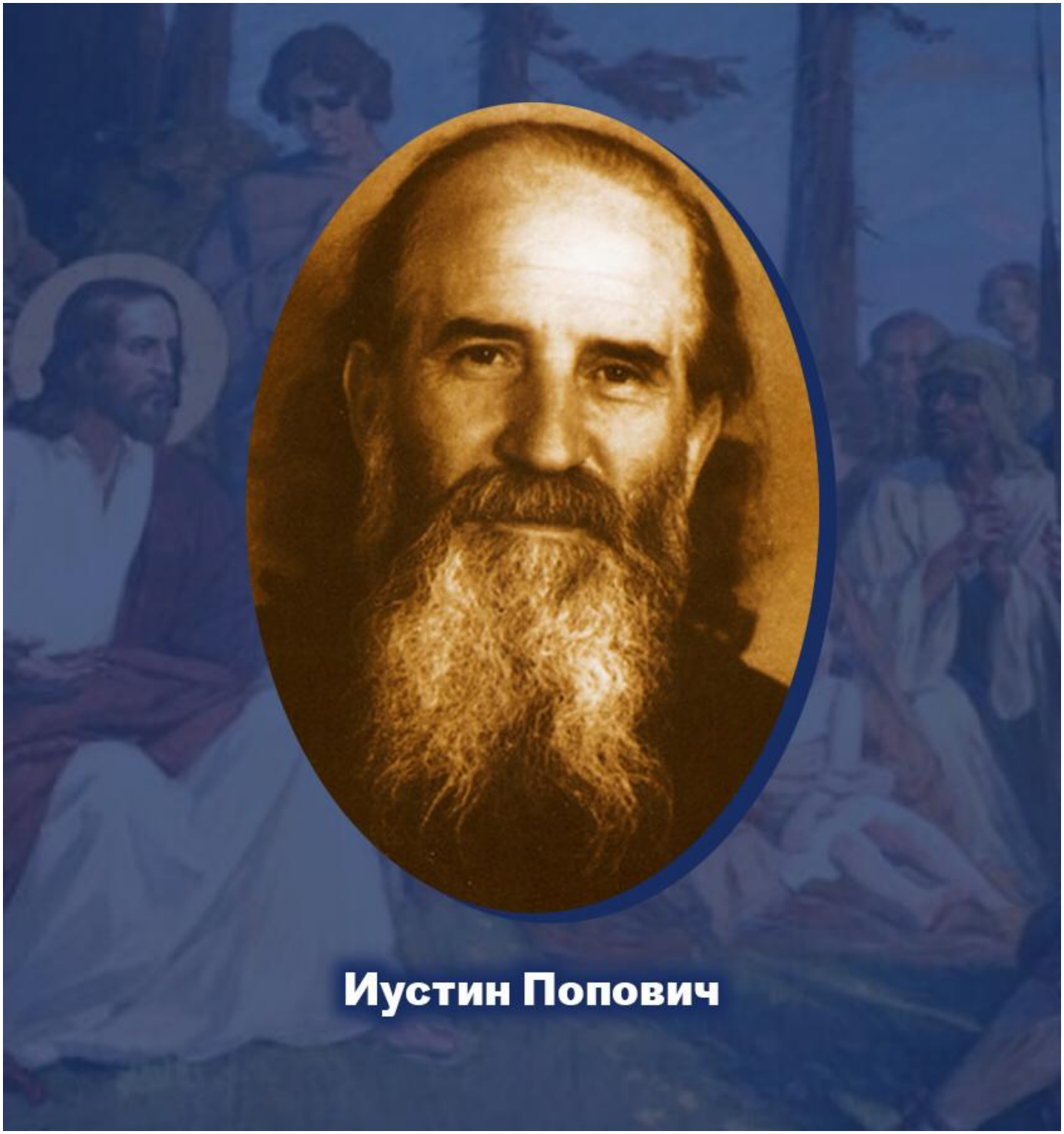
Человеком, способствовавшим консолидации разрозненных групп в единую организацию – Православное Народное Христианское Объединение (учреждено в 1920 году), стал выдающийся миссионер и писатель владыка Николай (Велимирович).

Благодаря ему произошел перелом в отношении архиереев и священников к богомольческим братствам.

«Постарайтесь понять богомольцев. Воздержитесь от побивания их камнями, можете ненароком

угодить камнем в Христа. Не отталкивайте их, и они вас не оттолкнут», – писал владыка Николай.

Современники констатировали главную отличительную черту богомольчества – церковность, его участники не хотели создавать обособленную секту. Выдающийся сербский духовный писатель Иустин Попович писал: «Это движение представляет собой подвижничество в массах. У настоящих богомольцев всё сводится к личному подвижничеству, особенно это касается молитвы и поста. И в этом, именно в этом, они специфично Христовы и специфично православны…».

Об образе жизни богомольцев мы знаем благодаря многочисленным свидетельствам современников, печатавшимся в периодических изданиях. Богомольцы «просто наслаждаются пребыванием в Церкви – никогда им не долго и всегда сладко». «Когда они разговаривают между собой, это выглядит так, будто они говорят на священном ангельском языке, потому что беседуют только на святые темы, а о земном настолько, насколько это необходимо». «Их жизнь в доме несет печать постоянной святости. С их уст никогда не вылетает ругань или проклятия». «Богомольцы являются самым культурным элементом в народе… Из любви к Священному Писанию все они практически самостоятельно научились прочитывать Его точно и хорошо».

Богомольцы разительно отличались от других слоев населения не только своим образом жизни, но и внешним видом. Так, богомольческого миссионера часто описывают как старика в народной одежде с длинной бородой и волосами, который путешествует босым.

Богомольцы носили нательные крестики, а женщины еще и платки, что в сербском обществе по причине пятисотлетнего османского ига не являлось традицией.

С созданием в 1920 году официальной организации богомольцев стало легче их идентифицировать, так как теперь не всякий мог именоваться богомольцем, но только член Православного Народного Христианского Объединения.

Каждый член Объединения наделялся четкими обязанностями, отражавшими стремление всего этого содружества к аскезе и молитве. Богомольцами становились люди из самых разных слоев сербского общества, но в массе своей они всё же оставались крестьянами.

Регулярно проходили съезды (соборы) богомольческого движения. Эти собрания проходили, как правило, каждый год и рассматривались как особые места молитвы и принятия решений о будущем братства.

Помимо издательской деятельности и открытия читальных залов богомольческая организация занималась активным миссионерством. Это приводило к росту братств, организованных по всей Сербии.

Как и греческие братства, сербские очень часто занимались благотворительностью. Организовывали миссионерские фонды для нищих, больных, сирот и вдов. Открывали курсы пчеловодов и ткачей. Богомольцы ухаживали за больными и посещали заключенных.

Интересно, что богомольцы активно следили за деятельностью греческих православных братств,

считая греческих братчиков своими единомышленниками.

28–29 августа 1933 года состоялся богомольческий Собор в монастыре Ковиль. На нем присутствовали епископы и сам глава Сербской Церкви Патриарх Варнава. Данный Собор стал самым многочисленным в истории движения – более 5000 человек со всей страны съехались в обитель в назначенный день. В отчете ПНХО, который был рассмотрен на Соборе в Ковиле, говорится об уверенности составителей в успешной работе движения: «Церковь заполняется каждое воскресенье и праздники всё больше и больше. Из всего этого нами делается вывод о том, что рост благочестия благодаря нашему обществу во всем государстве растет…».

В 1939 году в штаб-квартире ПНХО было зарегистрировано около 450 братств по всей стране, а тираж главного издания богомольцев – журнала «Миссионер» – составил 150 тысяч экземпляров. Количество богомольцев превысило 200 тысяч человек. Всё большее число священников участвовало в работе братств и брало над ними руководство.

К сожалению, начавшаяся Вторая мировая война не дала движению развить и закрепить тот успех, которого ему удалось достичь к началу 1940-х годов. Частично причиной этому стала позиция некоторых богомольцев, которые занялись активной политической деятельностью и поддержали радикальные антикоммунистические силы.

В послевоенной Югославии богомольческое движение не смогло продолжить активную деятельность. Атеистические власти не допускали миссионерской деятельности представителей Церкви. Тем не менее именно богомольческие братства стали той «духовной закваской», которая

позволила Сербской Церкви пережить многолетние государственные ограничения и репрессии. В первые послевоенные годы все кандидаты в сербские духовные семинарии по происхождению были из семей членов этого движения. То же самое можно сказать и о послушниках в монастырях, особенно о новых членах женских обителей.

После Второй мировой войны существовало еще некоторое количество богомольческих братств, однако из-за государственных ограничений их активность нельзя поставить в один ряд с деятельностью довоенного движения. Единственное, что осталось неизменным, это личное благочестие этих людей, которое стало источником, напитавшим Сербскую Церковь после войны.

***

Как и для греческих братчиков, для богомольцев Сербии был характерен религиозный максимализм, волевое стремление исполнять Закон Божий.

Греческие и сербские братства проповедовали Христа в устной и письменной форме. Ходили по городам и весям, издавали литературу, открывали миссионерские курсы, воскресные школы и читальные залы.

Братчики вели большую благотворительную работу, занимались достаточно масштабной адресной помощью заключенным, престарелым, сиротам.

Что сегодня?

В Греции до сих пор существуют православные братства, а в Сербии продолжают деятельность наследники богомольческого движения. Но их известность и влияние не идут ни в какое сравнение с могущественными предшественниками.

Однако в последние годы православные братства вокруг Сербской Церкви начинают укреплять свои позиции. Это происходит во многом из-за сильного политического давления на Православную Церковь. Это касается и ситуации в Косово, и совсем свежих событий в Черногории.

В России феномен православных братств также получил распространение. Но они не достигли такого могущества, как на Балканах (во многом из-за революции 1917 года). По влиянию и массовости российские братства XIX века нельзя поставить в один ряд с балканскими.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/86659/